

* * *

Спешить – и не достигнуть цели,
Сражаться – и не победить.
Жить – на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить – до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься – с безрассудством веры,
Так – словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесёт,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за всё.

* * *

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ошущенья бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

ПЕЙЗАЖ

Полмира объехав без дела,
Поймёшь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж чёрно-белый,
Берёзовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полёт,
А рядом, меж редких деревьев
Охотник с собакой бредёт.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И тёмный шатёр колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьёт, в простоте.
Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужижский
Был родом из наших краёв?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И чёрную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ЧАЙНИКОВА

Известно, бедность не порок.
Кушетка, стол, стакан, окурки;
Обитый дранкой потолок
С проплешинами в штукатурке;

В углу – набросок на станке,
Поверх – заляпанная простынь.
Мы с ним сошлись накоротке
В конце невнятных девяностых.

Я ошивался день-деньской
В лиловой сигаретной дымке
В художественной мастерской
У церкви на Большой Ордынке.

Мы не вели пустых бесед.
Когда под сорок за плечами,
Скучнее нет: вопрос – ответ.
Мы больше, помнится, молчали.

Он не искал чужих похвал.
И хоть судил довольно строго,
Но сам, похоже, понимал,
Что был художником от Бога.

Я пропадал на два-три дня,
Но появлялся вновь исправно;
Мне было лестно, что меня
С собой он принимал на равных.

Его мазок дружил с мазком,
Как будто в лад слагались ноты.
Мне вдруг подумалось тайком:
Где мой портрет его работы?

Мы дружим с лишком восемь лет,
Ну, чем я, собственно, рискую.
И я однажды, осмелев,
Спросил об этом напрямую.

Он повертел сухую кисть,
Как виртуоз играя с нею.
«Успеется, не торопись;
Чем позже, знаешь, тем ценнее.

Я ожидал такой вопрос
И сам не раз об этом думал...»
Но не случилось, не сбылось.
В начале осени он умер.

Не в нашей власти воскресить
Ушедшего. Но вот что странно,
Я не могу его простить
За то, что он ушёл так рано.

Я б не обиделся, клянусь,
Из-за какого-то портрета.
Но, кажется, пока я злюсь,
Он с нами остаётся где-то.

Войдёт, и сразу стихнет шум.
Он скажет: «Смерть была ошибкой!»
И улыбнётся сквозь прищур
Своею вечною улыбкой.

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЕДЬМОЙ

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, – двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но всё, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Сгушалась мгла, скрывая без следа
Весь город – от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пёс-поводырь вёл за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счёту год от Рождества Христова.

КАНУН

Туман в низинах расстился пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропадал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закалённый генерал.

Рассвет всё ближе. Но покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший стан;
То тут то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он назубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступить.

Пристало ль русским перед пулями склоняться,
Когда на знамени – нерукотворный Спас!
Мы насмерть станем за родную землю, братцы,
И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
Пусть супостату будет белый свет не мил;
Чтоб через двести лет потомки вспоминали
Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
Он будет гордо умирать, шальным осколком
Смертельно раненный в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.
Начало осени двенадцатого года.
Грузинский князь – на службе русского царя.

СВЯЗЬ

Удел связиста – это ли не рай?
Удачливей на фронте не найдёте.
Наладил связь – сиди и ожидай,
Тебе не лезть под пули, как пехоте...

Я, устранив на линии обрыв,
Ползком открытым полем пробирался.
Со всех сторон гремел за взрывом взрыв,
А немец будто бы с цепи сорвался.

Земля вздымалась, дым стоял стеной.
Мгновение – и лопнут перепонки;
Когда меня ударною волной
Отбросило на дно большой воронки.

Там трое пацанов, как я, солдат,
Дрожали побелевшими губами
И, на меня направив автомат,
Велели мне валить к такой-то маме.

Я до сих пор не смею их судить;
Такие есть везде – один на тыщу.
Я благодарен, что остался жить,
Короткий выстрел – и концов не сыщешь.

Я цел и невредим дошёл назад.
Не то чтоб думал, ждут меня объятья;
Но лейтенант лишь бросил беглый взгляд:
«Опять обрыв. Давай, ползи обратно».

Я было возразил: не мой черёд,
Теперь тебе пора идти настала.
Но он сквозь зубы процедил: «Вперёд!
Что смотришь? Не боишься трибунала?!»

И я пополз второй раз в этот ад.
Фашист сплошным ковром по полю стелет,
И каждый пролетающий снаряд,
Казалось, прямо на меня нацелен.

Не буду врать, я страха не скрывал,
Но чувствовал нутром, что не погибну;
И только непрерывно повторял
Рассказанную бабкою молитву.

Уже сквозь гарь окоп был виден наш,
Уже готов в него был прыгнуть с ходу...
Прямое попадание в блиндаж,
И кровь с огнём взметнулись к небосводу.

Мне не избавиться от этих снов.
Но кто однажды видел смерть так близко,
Тот навсегда постиг значенье слов:
На фронте – не бывает атеистов.

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

*Памяти девушек
46-го гвардейского авиаполка
посвящается...*

Напрасно вы нас ведьмами прозвали.
Вам ведьмы сроду были нипочём;
Столетиями легко вы побеждали,
Пытая их железом и огнём.

Зря скалите озлобленные пасти,
Всё будет по-другому в этот раз;
Железо и огонь – не в вашей власти,
Теперь они обрушатся на вас.

За каждое земное злодеянье
Вы приговорены нести ответ.
Мы девушки – небесные созданья,
Но для врага – страшней ста тысяч ведьм.

Нас голыми руками не возьмёте,
Когда, прожекторам наперекор,
Бесшумно мы на бреющем полёте
На цель заходим, заглушив мотор.

Кто сманит нас благополучным раем?
На восемьдесят бед – один ответ!
И даже если в небе мы сгораем,
Тем, кто за нами, – пролагаем след.

Бессильны ваши ненависть и злоба.
Мы тут, мы там, вокруг – со всех сторон.
Хоть не сомкните глаз, глядите в оба,
Мы наяву – ваш самый страшный сон.

И вам нигде не отыскать спасенья, –
Забившись в щель, ползком иль на бегу.
Нет, мы не ведьмы, мы – богини мщенья,
Не знающие жалости к врагу.

ЧЕРНОГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Полумесяц потонул в заливе,
Померцал и в глубине исчез.
До чего же ночи здесь красивы.
Чуть кольшется прибрежный лес;

Ослепительно сияют звёзды,
Дышит влагой терпкая трава;
И звенит ночной прозрачный воздух,
Как натянутая тетива.

Память на случайности горазда,
В прошлое стучится наугад.
Черногорцы тут стояли насмерть
Полтысячелетия назад.

Было так, – когда незванный кто-то
В вольный край дерзал войти с огнём,
Просыпался неприступный Котор,
И святой Покров лежал на нём.

Испокон веков не имеет срама
Тот народ, что верою богат;
И на месте разорённых храмов
Воскресали краше во сто крат.

Час настал, сошлись клинки из стали,
До глубокой ночи длился бой;
Огненные звёзды заблистали
И крестились в небе над водой.

И тогда, от злобы обессилев,
В первый день Великого поста
Полумесяц потонул в заливе,
Побеждённый силою креста.

ТИШИНА

Дождь неукложе накрапывает,
Воздух пронзительно тих;
Редкое небо проглядывает
Меж облаков кучевых.

Роша скромна, словно девственница,
Галок и тех не слышать;
Молча берёзы советуются,
Как бы им день скоротать.

За ежевичною изгородью
К шёлковой ели прильну.
Лишнего слова не выговорю,
Чтоб не спугнуть тишину.

Русь-недотрога – награда моя,
Вдруг невзначай в тишине
Тайна твоя неразгаданная
Чуть приоткроется мне.

МОЯ ВЯТКА

Русь склонить под рукою владычней
Порешил патриарший престол.
Мои предки, чтя древний обычай,
В те поры уклонились в раскол.

Непокорные старообрядцы
От гонений скрывались в скитах
И осели по землям по вятским,
Не продав свою совесть за страх.

Не сломили их беды и бури,
Жизнь вилась над избою дымком;
Ведь не зря мой прапрадед Меркурий
Основательным слыл мужиком.

Век бы жить им, молясь да не хмурясь,
Обустроить дом свой ладком.
Только видишь, как всё обернулось,
Когда грянул нечаемый гром.

Не спасла моих прадедов Вятка,
Тут уж поздно – крестись не крестись;
Те, кого не смело без остатка,
Кто куда по Руси разбрелись.

Жить по чести, случалось, непросто, –
Хоть умри, а душой не криви, –
Но всегда выручало упорство,
Что у каждого было в крови.

Хотя я не бунтарь бесшабашный, –
Не буянню, интриг не плету,
Не усердствую в спорах, – однажды
Мне становится невольно.

Не по вере – по жизни раскольник,
Не терплю самозваную знать;
Что поделаешь, вятские корни
Всё – нет-нет а дают себя знать.

Хоть с сумою – да что-нибудь стою;
Предкам-старообрядцам под стать –
Я всегда шёл дорогой прямою,
А упрямства мне не занимать.

Жизнь качала, трясла и кружила,
Но дорога казалась гладка,
И текла в переполненных жилах
Заповедная Вятка-река.

СНЕГ В КРЫМУ

В горах сгустилась пелена,
Какой не чаяли вначале,
И сумерки средь бела дня
Непредсказуемо настали.

Сплошной завесой снег упал;
Кругом – не видно на полшага.
В снегу Ангарский перевал,
В снегу отроги Чатыр-Дага.

Зима сошла во всей красе,
А с нею спорить не годится;
По обе стороны шоссе
Машин застыла вереница.

Но чувствовалось, что вот-вот
Природа сменит гнев на милость;
И я прошёл пешком вперёд,
Туда, где небо прояснилось.

Я вглядывался из-под век
Вослед унявшейся стихии,
Вдыхая первозданный снег,
Простой, привычный снег России.

